

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

.....

А. А. Ильченко¹

В статье поднимается вопрос о реализуемых властными структурами моделях политической коммуникации, степени их демократичности и о возможностях снижения конфликтных проявлений в обществе при переходе к использованию институционализированных диалоговых моделей коммуникации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, диалог, конфликт, обратная связь, доступ к информации, протестная активность.

The article raises the issue of political communication models implemented by government structures, the degree of their democratic character, and the potential for reducing conflict in society to the use of institutionalized dialogue model of communication

Key words: political communication, dialogue, conflict, feedback, information access, the protest activity.

В свете массовых беспорядков, затронувших в 2011 г. даже традиционно благополучную Англию, а в минувшем 2010 г. собравших тысячи весьма агрессивных настроенных граждан на Манежную площадь российской столицы, особенно актуализируются эффективные механизмы управления конфликтами. Тогда трагическая гибель болельщика Е. Свиридова повлекла за собой сначала выступления футбольных болельщиков под националистическими лозунгами, а затем и массовые беспорядки и погромы, участие в которых по разным оценкам принимали до 10 тыс. чел. Осознание современных политических реалий, несомненно, повышает конфликтный потенциал общественных настроений, при этом возрастает политическая имобильность и абсентеизм. На наш взгляд, для организации эффективного взаимодействия федеральной власти и общества сама власть, чтобы получить обратную связь, должна вовлекать общество в активное обсуждение социального реформирования.

¹ Ильченко Анна Александровна – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: il-aa@mail.ru.

В конце декабря 2010 г. был опубликован ежегодный Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. По мнению составителей доклада, к многочисленным эксцессам и острым формам противостояния привело, в том числе, отсутствие со стороны государственных организаций и органов местного самоуправления желания вести диалог [6]. Отметим, что данная гипотеза природы социально-политических конфликтов не нова. Еще в 1986 г. основатель теории постиндустриального информационного общества Д. Белл писал: «Дестабилизация в стране случается не потому, что люди и их институты вступают в конфликтные отношения, а из-за отсутствия навыков государственной службы управлять этим процессом, диагностировать, контролировать и предотвращать деструктивные конфликты и приводить конструктивные конфликты в стадию прочного и длительного сотрудничества». Белл также утверждал, что информация и есть власть, а доступ к информации — неотъемлемое условие свободы [1, с. 338]. Согласно данным ВЦИОМ, структуры власти слабо реагируют на новые, неожиданные или кажущиеся им малозначимыми запросы отдельных групп. Реакция начинается лишь тогда, когда ситуация, по мнению чиновников, угрожает социально-политической стабильности [10]. Наличие значительных противоречий между декларируемыми в Конституции принципами открытости и прозрачности и реальной практикой осуществления гражданской службы и законодательно закрепленными обязанностями отечественного гражданского служащего отмечает в своем докладе и И. М. Дзялошинский [5]. По ряду направлений происходит постепенный рост социальной напряженности, при этом значительных подвижек в плане смены используемых властью монологовых коммуникативных практик не наблюдается. В то же время можно говорить об уверенном росте гражданской активности населения по ряду направлений: экологическая проблематика, этнические отношения, социально-экономические вопросы. Нарастание неформальной социальной активности граждан, в том числе протестной, прогнозировали еще в 2009 г. эксперты — участники исследовательского проекта «Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России» [12]. О значимости проблематики раскрытия информации о деятельности властных структур в развитии информационного общества говорят и другие исследователи. Р. Даль в своих работах ключевой характеристикой демократии называет постоянную чуткость правительства к настроениям и желаниям граждан [4, с. 164].

В декабре 2010 г. на базе Кубанского государственного университета и при поддержке Института развития свободы информации (г. Москва) и Фонда поддержки местных сообществ (г. Краснодар) прошел семинар «Доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: теория и практика». Т. А. Толстенева, представитель Института развития свободы информации, отметила, что значительная доля информации не известна широкой общественности только потому, что никто не зна-

ет или не хочет знать, как реализовать свое право на доступ к информации. Это подтвердил и представитель информационно-аналитического управления администрации Краснодарского края Е. Г. Малышкин: «То, что делает власть, население должно знать и понимать, для того чтобы эти задачи были реализованы максимально эффективно. Но на данный момент информация недостаточно востребована населением, особенно сельских районов. Однако с развитием гражданских позиций населения информация наверняка станет востребованной и мы получим поток обратной связи». Несколько иную точку зрения на проблему доступа к информации озвучила Л. Абрамова, представляющая в дискуссии сторону СМИ: «По данным эмпирических исследований, более 70% специалистов СМИ получают информацию через неофициальные каналы, что в большинстве случаев говорит о затрудненности или даже невозможности своевременного получения информации через официальные каналы». В результате население «додумывает» информацию, что порождает недоверие граждан к органам государственной власти. Итоги дискуссии можно резюмировать следующим образом: развитая система политического информирования граждан, несомненно, способствует увеличению капитала общественного доверия, так необходимого для эффективного функционирования власти.

По мнению Р. Дарендорфа и Л. Козера, конфликты неустранимы и неизбежны в жизни общества. Р. Ли в свое время выразился еще более категорично: «Общество без конфликтов — мертвое общество» [13, с. 3]. Важно овладевать культурой их разрешения и создавать для этого соответствующие структуры, которые позволили бы погасить деструктивный характер их проявления и направляли бы их в позитивное русло общественного развития.

Немаловажным в эффективном и конструктивном разрешении конфликта представляется временной фактор. Зачастую процесс согласования и озвучивания позиций власти в отношении ряда вопросов значительно затянут из-за бюрократизации. При этом, чем более острой для общества является проблематика, тем быстрее нарастает конфронтация и тем значительнее конфликтный потенциал. М. М. Лебедева, ссылаясь на исследования, проведенные американским политическим психологом Ф. Тетлоком, доказывает наличие прямой зависимости между степенью конфронтации и простотой аргументации, используемой в конфликте [8]. Используется понятие «диалога глухих», эффект которого в большинстве случаев оказывается противоположным тому, на который он рассчитан, т. е. взаимопониманию. Печальную истину о «диалоге глухих» подтвердил и Д. А. Медведев в своем интервью с руководителями ведущих телеканалов страны в конце 2010 г.: «Наши чиновники плевать хотели на эту общественность, они ничего не слышат и слышать не хотят» [7]. Также было высказано пожелание о переходе общественных процессов в конструктивное направление и необходимости соблюдения установленных законом рамок.

Вопрос о необходимости перехода от «диалога глухих» и политики информирования к диалоговым коммуникативным практикам поднимается не впервые. Истоком научного изучения явлений политической коммуникации в развитых странах стали исследования пропаганды в период Первой мировой войны. Выделение исследований политической коммуникации в самостоятельное направление было вызвано демократизацией политических процессов в мире, развитием кибернетической теории, возникновением и возрастанием роли новых коммуникационных систем и технологий в этот период.

Политическая коммуникация отражает смысловой аспект взаимодействия политических акторов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. О ключевой роли политической коммуникации в обеспечении процесса взаимодействия власти и общества, говорят и другие отечественные и зарубежные исследователи. А.И. Соловьев акцентирует внимание на преимущественном использовании властью практики информирования населения без учета гражданского запроса [9, с. 7]. Ориентированную на практические исследования классификацию политической коммуникации предлагает М.Н. Грачев [2]. Так, он различает отношения конкурентно-конфронтационного и консенсусно-договорного типа, складывающиеся между политическими акторами в ходе борьбы за власть, ее удержания и использования. В случае использования консенсусно-договорной модели, речь может идти как об отношениях координации и субординации, так и об отношениях, формально построенных по принципу сотрудничества и равноправного партнерства, но тем не менее содержащих в себе определенные управленческие моменты. А если опереться на определение политической коммуникации, данное американским политологом Л. Паем, где политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику [2], то можно сделать вывод, что коммуникативные методы, используемые властью, не в полной мере соответствуют механизмам эффективной политической коммуникации.

Однако существует проблема неполноты типологии политической коммуникации. Типологизация, предложенная М.Н. Грачевым [3] со ссылкой на работы Р.-Ж. Шварценберга, включает три основных способа политической коммуникации: коммуникацию с помощью средств массовой информации, в том числе печатных и электронных; коммуникацию с помощью организаций, в частности, политических партий, которые служат связующим звеном между управляющими и управляемыми, и групп давления; коммуникация с помощью неформальных контактов. Дополнительно выделяются и особые коммуникативные ситуации или действия, например, выборы, референдумы и т. п. При этом, по сути, отсутствует способ формализованной политической

коммуникации, предполагающий субъект-субъектное общение, в диалоговом режиме опирающееся на формальные, официальные каналы связи.

В ряде моделей политической коммуникации обращается внимание на роль элиты, которая осуществляет свою власть над остальной частью общества не непосредственно, а через промежуточные звенья — бюрократический аппарат и СМИ. Например, модель К. Сайнне [14] отражает процессы непрерывного информационного обмена, участниками которого являются акторы политической системы — элита, бюрократия и массы. И в этом процессе элиты всегда конструируют и транслируют «вниз» информацию, направленную на укрепление их собственной легитимности, на продление «мандата доверия». О подобной концепции информационного обмена рассуждает О. Ф. Шабров, утверждая, что в России реализована именно псевдосистема политического управления, в которой политическая обратная связь работает на гомеостазис самого механизма управления, а не на поддержание стабильности всей системы, общества [11]. При этом, согласно Дж. Томпсону, сама по себе коммуникативная модель не является идеологической [15]. Коммуникативная практика обретает идеологическое наполнение лишь постольку, поскольку способствует в конкретных условиях поддержанию отношений доминирования. По мнению К. Сайнне и Дж. Томпсона, современные политические элиты при использовании каналов политической коммуникации основной целью ставят повышение имиджевой составляющей, нежели инициирование и развитие диалоговых форм общения. Прежде всего, обращает на себя внимание избирательность направленности коммуникативной активности власти. То есть ряд вопросов, способных представить властные структуры с выгодной позиции, освещается максимально подробно во всех СМИ, активно муссируется. Проблематика же, не удобная для структур власти, остается «за кадром». Теории Сайнне и Томпсона позволяют рассматривать внедренные в современном обществе коммуникативные модели как весьма далекие от классических канонов, но успешно реализующие тактические цели: улучшение имиджевых показателей определенных властных структур, повешение лояльности широких слоев населения к конкретным преобразованиям или проектам и пр. Согласно классификации стратегий коммуникации властные структуры, пренебрегая конвенциональной стратегией, чаще склоняются к манипуляционной и даже конфликтной. Не вызывает сомнений эффективность данных коммуникативных практик в плане достижения поставленных целей, однако в долгосрочной перспективе подобного рода деструктивные коммуникации могут привести к нарастанию конфликтного потенциала в обществе и вызвать насильственные конфликты.

На основании изложенного можно сделать вывод о наличии зависимости между коммуникативными практиками, используемыми властью, и конфликтными настроениями в обществе. Представляется вполне обоснованной и необходимостью изменения существующего соотношения информации и ком-

муникации при взаимодействии власти и общества в сторону значительного увеличения доли коммуникативной составляющей. К сожалению, на данный момент «политические сигналы» от гражданского общества, звучащие все громче и способные стимулировать развитие диалога, в результате отсутствия адекватного на них ответа преобразуются во всплески агрессии и деструктивные конфликты.

Библиографический список

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
2. Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2003. №4.
3. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n56_04_06.htm.
4. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
5. Дзялошинский И.М. Гражданские коммуникации и гражданское общество: опыт и перспективы эффективного взаимодействия // Сборник материалов общественных слушаний «Эмпирические исследования гражданского общества». Общественная палата Российской Федерации. URL: <http://www.oprf.ru/ru/documents/1209>.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. Общественная палата Российской Федерации. URL: http://www.oprf.ru/newsblock/news/3618/chamber_news.
7. Итоги года с Президентом России. URL: <http://президент.рф/news/6450>.
8. Лебедева М.М. Особенности восприятия при конфликте и кризисе. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/hrest_konfliktologiya.
9. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. №3.
10. Способность политической системы реагировать на общественные ожидания и опасения в условиях преодоления кризиса. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter6.pdf>.
11. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava5.htm>.
12. Экспертные оценки в прогнозировании развития гражданского общества в России. URL: <http://www.oprf.ru/ru/documents/1209>.
13. Lee R. An Introduction. Religion and Social Conflict. New York, 1964.
14. Sinne K. Communication: Mass Political Behavior // Political Communication Issues and Strategies for Research. London, 1975. Vol. 4.
15. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press, 1990.